

Е. С. Макаревич (Минск)

**ВОЗМОЖНОСТИ ОБНАРУЖЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ЧЕРТ
ПРИ АНАЛИЗЕ СТАРОРУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ**

В рамках исторической фразеологии актуальными и значимыми являются исследования, проводимые в русле развивающегося регионально-исторического направления, которое призвано изучать фразеологический состав памятников письменности определенной территории. В связи с этим особую актуальность приобретает обращение к новым, не введенным в научный оборот древним текстам. Это позволит расширить горизонты фразеологических исследований, углубить их суть, получить новые выводы, дополнительно аргументировать уже имеющиеся.

Смоленский край и особенности языка этих территорий привлекали внимание многих исследователей. Специфику смоленского говора изучали такие известные ученые, как акад. Е. Ф. Карский, акад.

А. А. Шахматов, известный фольклорист-этнограф В. Н. Добровольский, П. А. Расторгуев. О существовании смоленского диалекта еще в XIX в. писал А. И. Соболевский в работе «Смоленско-полоцкий говор в XIII–XV вв.». За многие годы изучения смоленских говоров накоплен фактический материал по их фонетической, грамматической и лексической системе. Углубленному изучению фонетических, морфологических, словообразовательных и синтаксических особенностей посвящены работы А. И. Ивановой, Л. В. Граве, З. И. Жаковой, С. М. Прохоровой, И. А. Королевой, И. С. Козырева. Описание лексики говоров Смоленского края XVI–XVIII вв. по данным преимущественно деловой письменности находим в книге Е. Н. Борисовой, содержащей характеристику диалектной лексики по тематическим группам и словарь диалектных слов, а также в ряде других работ этого автора. Однако до настоящего времени не удалось найти работы, в которых описана фразеология смоленского региона.

В качестве основного источника фразеологического материала мы избрали смоленскую деловую письменность XV–XVII вв. Для изучения региональной специфики фразеологии необходимо принимать во внимание особенности исторического развития того или иного края, действовавшей там системы делопроизводства и др., так как все эти факторы отражаются в документах [1, с. 6].

Во фразеологической системе деловой письменности специфические смоленские фразеологизмы представлены небольшим количеством единиц. Рассмотрим некоторые из них, выявляя прежде всего их региональный характер.

Так, в книге «Памятники обороны Смоленска» находим ряд устойчивых единиц с компонентом *стена*: *стояти на стене*, *выдати за стену*, *скинутися со стены*, *стенные люди*, *выдати за стену* и др. (здесь и далее для их передачи используем упрощенную запись). Появление в языке смолян устойчивых оборотов с компонентом *стена* объясняется историческими событиями, нашедшими отражение в документах того времени. Дело в том, что для обороны города от врагов в 1596–1602 гг. была построена крепостная стена, после чего появились устойчивые выражения, связанные с данным оборонительным сооружением. В тексте находим такие примеры: *скинутца со стены*, *скинутися з башни*, *выкинутися за стену*. В Словаре русского языка XI–XVII вв. глагол *скинутися* подается в значении ‘покинуть место пребывания, уйти откуда-либо’, а для иллюстрации используется только выражение *скинутися з города* [СРЯ, В. 4, с. 196]. В смолен-

ских памятниках эти выражения используются со значением ‘совершить побег’. Подтверждение находим в Региональном историческом словаре второй пол. XVI–XVIII вв. (по памятникам письменности Смоленского края), где глагол *скинуться* представлен со значением ‘спуститься с крепостной стены, совершить побег из города’ [РИС, с. 271]. Побег во время осады города считался изменой и соответствующим образом наказывался. Наказание несли караульные, во время службы которых совершался побег: *И в роспросе Пронка Микитин сказал, стоял де он на короуле на прясле у Нелюба Оксенова и по грехом де он шол к башине к посацким людем к огню погретца и в тое де пору скинулся детина с стены, а яз де его не видали не знаю. И по приказу боярина и воевод тот мужик Пронка бит батогои* [ПОС, с. 123]. Наказывались также сами беглецы, если удавалось их найти и вернуть в город: *И Василий Зубов в роспросе сказал, что онъ виноват, з города скинутца хотел... И Василий Зубов посожон в тюрьму...* [ПОС, с. 120]. Анализируемые выражения частотны. Поскольку во время осады Смоленска многие его жители хотели покинуть город, то и судебных дел и донесений, связанных с побегами, было большое количество, и соответственно очень часто использовались указанные выражения. Приведем лишь некоторые примеры из текста документа: *... и Данила подал имянную памят и в памяти пишет имена охотником Данилова приказу Конаплева, которые скинулис за стену...* [ПОС, с. 117]. Там же читаем далее: *сево дни деи об вечерни скинулся з башни... пушкар Никонко и побежал в таборы к литовским людем* [ПОС, с. 118].

Явления объективной действительности отразились и в наименовании *стенные люди*. Словарем русского языка XI–XVII вв. это устойчивое выражение не фиксируется. Однако значение наименования выводится из значений составляющих его компонентов: *стенной* – ‘относящийся к стенам, укреплениям’ [СРЯ, В. 28, с. 48]. В смоленских документах этот оборот использовался для называния лиц, исполняющих служебные обязанности на крепостной стене: караульная служба, а также оборона города со стены во время наступления противника. В текстах находим фразеологизм *выдати за стену*: *Шеин деи нас губит с посадкими людами, а королю деи и королевичю не цалуют, а ждуют деи вора с Москвы. И мы деи Шеина, зграбя, выдадим за стену, будет деи в Полюе съ Шуйскими ж, а посадких деи людеи побьемъ, а животы их пограбимъ...* [ПОС, с. 119]. Можно предположить, что данное выражение имело значение ‘передать в распоряжение про-

тивника'. Во фразеологических исследованиях диахронического плана большая роль в актуализации значения фразеологических единиц принадлежит контексту.

Отдельную группу в любом региональном диалекте составляют фразеологизмы, включающие топонимы. К смоленским фразеологизмам-регионализмам могут быть отнесены наименования: *пятницкой диакон*, *петровский слобожанин*, *бельские воры*, *зубовский двор*, *чеботовские денги* и некоторые другие. Такие образования представляют собой словосочетания, близкие к свободным, они не отличаются высокой степенью семантической транспозиции, однако рассматриваются нами ввиду своей воспроизводимости и устойчивости компонентного состава. Так, *пятницкой диакон* – дьякон церкви Параскевы-Пятницы или Пятницкого монастыря. Конкретного указания в тексте памятника не приводится. Проиллюстрируем примером: ... *а во вторникъ деи приходил **пятницкой диакон** Иван Павлов, а спрашивал того ж Михалка, а живал деи тот Михалка у того у пятницкого диакона у Ивана...* [ПОС, с. 105]. В Смоленске существовала ранее и сохранилась до сих пор целая «серия» названий с компонентом *пятница*: *Пятницкий конец*, *Пятницкий ручей*, *Пятницкая улица*, *Пятницкая баня* и др.

Рассмотрим фразеологизм *бельские воры*. Здесь слово *вор* употребляется в значении 'бунтовщик, изменщик', что подтверждается текстом: ...*и он де Семен с твоими Государевыми людьми тех **белских воров** побил и языки поймали и посад на Белой выжгли* [ПОС, с. 29]. Можно предположить, что в данном случае сочетание *бельские воры* образовано от названия города. Название свое город получил от реки Белая, до XVIII в. и город назывался Белая (в женском роде). Следовательно, единицы *пятницкой диакон*, *бельские воры* можно трактовать как региональные, смоленские.

В текстах приходно-расходных книг Болдина – Дорогобужского монастыря нами было отмечено фразеологическое наименование, включающее местный топоним: *чеботовские денги*. Из текста книги: *Въ 25 день принесть платенной казначей Епифанъ **чеботовскихъ денег** – за лень четыре рубли и шесть алтын четыре денги* [ПРК, с. 203]. Здесь речь идет о не существующем ныне селе Чеботове. В XVI веке в селе Чеботове находилась мельница, принадлежавшая Болдина – Дорогобужскому монастырю и приносявшая доход, а также жители села уплачивали установленные пошрины в монастырскую казну.

Целым рядом неоднословных наименований представлена в смоленской письменности группа названий различных единиц измерения. Метрическая лексика, как известно, принадлежит к наиболее древним словарным пластам. На территории Смоленского края в исследуемую эпоху не было единой метрологической системы. С одной стороны, употреблялись метрические единицы, которые входили в единую систему мер, господствующую в Московском государстве, с другой стороны, функционировала локальная система [1, с. 17]. Нами выделены такие названия: *смоленская мера*, *смоленская бочка*, *смоленская осмина*, *смоленская четвертина*. К сожалению, в самих текстах печатных памятников не находим разъяснений метрических значений приведенных единиц. Приведем примеры: ... *хлеба у него с четверть и ржи в Смоленскую меру, а в семьи у него сам – сем, а стоящца у него 2 мужика...* [ПОС, с. 186] или ...*а будет хлебники или колачники или хто иной учнут закупат хлеб смоленскими осминами и четвертми, или хлебники стануть купити болии четверика, и тех бы людей, имая, приводили б к ним в таможеную избу...* [ПОС, с. 72]. В Словаре русского языка XI–XVII вв. содержится такое определение *смоленской меры* – ‘местная единица измерения сыпучих тел’ [СРЯ, В. 9, с. 92]; там же находим *смоленская бочка* – ‘название определенных мер’ [СРЯ, В. 1, с. 305]. В курсе лекций по древнерусской метрологии С. К. Кузнецова приводится определение данному наименованию: «смоленская бочка в 1575 г. делается известною, как мера "масла семенного", в которой "полторы селедовки", а так как "бочка селедовка чають 8 пудь будеть", то в смоленской бочке масляного веса около 12 пуд; а вмещает бочка более 18 нынешних ведер воды» [2, с. 129–130]. Видимо, все перечисленные единицы измерения отличались на разных территориях, иначе не потребовалось бы конкретизации.

Предпринятое нами исследование показало, что среди большого количества общеупотребительных фразеологических единиц в смоленских памятниках деловой письменности встречаются единицы, характерные только для Смоленского региона, которые передают особенности жизни смолян того времени. Такие устойчивые наименования являются ценным материалом для изучения способов выражения в языке и его фразеологии результатов предметно-познавательной деятельности человека.

1. Борисова, Е. Н. Лексика Смоленского края по памятникам письменности / Е. Н. Борисова / М-во просвещения РСФСР. Смол. гос. пед. ин-т им. К. Маркса. – Смоленск, 1974.

2. Кузнецов, С. К. Древнерусская метрология. Курс лекций / С. К. Кузнецов. – Малмыж на Вятке: типограф. Н. Н. Черемшанского, 1913.

Условные сокращения

ПОС – Памятники обороны Смоленска 1609–1611 гг. / под ред. Ю. В. Готье // ЧОИДР. – М., 1912. Кн. 1.

РИС – Региональный исторический словарь второй половины XVI–XVII вв. (по памятникам смоленской письменности) / сост. Е. Н. Борисова, В. С. Картавенко, И. А. Королева. – Смоленск, 2000.

СРЯ – Словарь русского языка XI–XVII вв. / Рос. акад. наук. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова; гл. ред. Г. А. Богатова. – М.: Наука, 1975–2008. – Вып. 1–28.